

ВЕТЕР В ЛЕСУ

АЛЕКСАНДР НОВИКОВ

Александр
НОВИКОВ

ВЕТЕР В ЛЕСУ

БИБЛІОТЕКА «КРЕЩАТИКА»
ПОЕЗІЯ, ПРОЗА, ПУБЛІЦИСТИКА

ДРУКАРСЬКИЙ ДВІР
ОЛЕГА ФЕДОРОВА

**Александр
НОВИКОВ**

ВЕТЕР В ЛЕСУ

**Друкарський двір
Олега Федорова
Київ, 2024**

УДК 821.161.1'06(477)-32
Н 90

СЕРІЯ «Бібліотека “КРЕЩАТИКА”»
Заснована у 2023 році

Новиков А.

Н 90 Ветер в лесу / А. Новиков — Друкарський двір Олега Федорова, 2024 — 80 с.

ISBN 978-617-7955-82-4

В книгу киевского автора Александра Новикова «Ветер в лесу» вошли стихи и проза разных лет. Эти тонкие, по-детски откровенные и по-абсурдистски наивные, почти хармсовские тексты впервые были опубликованы в журнале "Крещатик" в 2022 году.

УДК 821.161.1'06(477)-32

ISBN 978-617-8252-14-4 (серія БК)
ISBN 978-617-7955-82-4

© Новиков А., 2024
© Федоров О.М., видавець, Київ

ПИРАТЫ

Как-то совсем маленьким я гостил у бабушки, и чудесным июльским утром на нас напали пираты. Домик бабули стоял у реки, очень спокойной реки, где водились караси больше ладошки, за домом был темный сосновый лес — и уже очень давно, еще когда бабушки не было, так она говорит. А вокруг да около — луга, цветы, холмы и, конечно, яблочный сад, где жужжат пчелы. Утром всегда красиво пели птицы, я любил их подкармливать. Как-то бабушка пошла через лес к своей подружке, тоже старушке. Я лежал у реки и слушал квакушек, солнышко припекло, нагрело, я расслабился и уснул... Просыпаюсь я оттого, что какой-то крепкий малый тащит меня под мышкой, я очень удивился, но даже не испугался, у него деревянная нога, а значит он — пират. А, детей пираты любят, наверное, взяли меня с собой, чтобы меня никто не обидел, пока я сплю, очень заботливые, и когда мы уже поднялись на борт, мы дожидались карлика, он смешно семенил. На борту крепкий малый, а его звали Золотой Зуб, дал мне шапку, чтобы не припекло, и отправил на самый верх, на «марс» (так называется смотровая площадка на мачте) смотреть вдаль и сообщить о приближении земли. Ну, думаю, ладно. Пираты так пираты, земля так земля. Главное успеть до прихода бабули. Отчалили мы, значит, суетятся все, бегают там внизу. А я наверху сижу и семки лускаю, плюю лушпиньями на бошки и хихикаю. Тут впереди я замечаю водоворот. «Водоворот!» — кричу я. И по-

неслось по цепочке, от меня к матросам, от матросов к коку, от кока к боцману, а тот как заорет: «Водоворо-о-о-о-от!» — аж до капитана, который не выдавал себя. Водоворот! Чем больше нас закручивало — тем больше менялся угол восприятия происходящего, и как только я смогу настроиться, приходится снова, и опять, и заново, по-разному настраиваться. Принимать и так, и эдак. И вот так и вот ещё как-то. То разноцветные, текущие, как густая карамель, животные, то запахи, как взрывы капель, то ощутил вкус пирога и чуть сам себя не покусал. Голова пошла кругом — и выпал, и полетел вниз, в пучину: закрутило, завертело и выбросило прямо на берег реки, где я спал. Трогаю лоб — шишка. Странное дело, лягушки смотрят на меня прищуренными глазами, как будто подозревают в чем-то. Хотел что-то крикнуть им, чтобы прогнать, и услышал не своим голосом «ква». Подполз к воде. Посмотрел в отражение... Жаба? Что же подумает бабушка...

ПЕСНЯ

В Неизведанное ведут сквозь туман
Блики млечной луны.
Все, что терял ты, найдешь.
Былые печали — лишь эхо той весны,
Но где мы сейчас и где быть должны?
И сны — это сны, но веришь ли ты,
Что легкий ветерок
Манит сквозь листву,
И осень красит мир.
Нежно закружит памяти мотив.
Прекрасней нету лжи.
Прекрасней нету лжи...

МУДАК

Ощущение некоего путешествия, трипа, который больше напоминает жуткий вход или встречу с самим собой в самых неприятных условиях. Фрактальная подножка, подножка-пощёчина, пощёчина-подножка, слышал, что Бог говорит через людей, так почему же я сука? Слышал, что и сами-то мы не особо-то индивидуальны, и вопрос выбора — предначертанная формальность. Кстати, с которой лучше смириться или все же из кожи вон лезть, чтобы в вихрях перемен не потерять остатки себя, чтобы паруса, какие-никакие, а все-таки паруса, висели вместе со знаменем? И так сжимает сердце, дядя, как же его сжимает! Почему именно так? Зачем я это придумал? Почему случайность? И почему такая. Закономерность. Скорее всего, перепуганный Вася. Который соскочил при первом кипише — и опять по кругу. Каждому своё. Известная фраза. Но кто, кто, я спрашиваю, даёт это «своё», кто кормит? Кто ест? Запаяло — и конкретно, а как распаяться? Допустим, есть задача. А какие условия? Ну, я понял, что по ходу разберёмся. Ну и ладно. И если я мудака... меня же сотворил Господь по своему образу и подобию. Отец, не гони! Дай знак, не отсиживайся.

СОЛНЦЕ В ЗЕНИТЕ

Солнце светило ярко. Зенит. Смотреть в даль. В будущее. Никакой возможности. Приходится рассматривать пыльные ботинки. Шаг. Ещё шаг. На левом ботинке темное пятно. На правом виднеется дырка. Шаг. Шаг. Пятно. Дырка. Пятно. Дырка. Солнце печет в голову. Слова, мысли в голову не лезут. Печеные они, никуда не годятся. Ноги идут на автомате. Твердые. Лучше смотреть на женские. Мелкие камушки и пыль проникли в носки, думаю, им там комфортно. Мне нет. Воды хочу, воды. Вино, сыры, виноград, глупое сочетание, вяленое мясо, о, салатик, ни хера не хочу. Воды. Воды. Шаг. Дырка. Пятно. Идти долго. Очень мешает ворона на голове. Интересно, она хочет что-то сказать или ждёт, пока я упаду, чтобы пробить мне темечко своим острым клювом, и тогда я испущу дух. Один. Дай знак. Сколько раз я ее сгонял, все равно приземляется. Теперь ещё царапает лапами. Путает волосы, мысли, чувства, глаза горят, дыхание ровное. Ноги твердые. В ботинках пыль и камни. Шаг. Грязь. Шаг. Порвано. Голова начинает закипать. Дышу носом, тяжело. Люди закрывают ставни. Да не люди. Черти. Прямо меж глаз потекла кровь. Это ворона. Ключнула. И улетела. Я остановился. Со лба пошел освежающий ветер. Паруса натянуты. Руки в стороны. Ноги загудели. Завелись. Завел. Засунул палец в лоб. Поглубже. Оттуда кто-то укусил меня за него. Достал. Задумался. Сквозит немного. Но в голову лезть не хочется.

ВДОХ-ВЫДОХ

Вдох-выдох. Медленно. Так, давай ещё раз. Вдох-выдох. Так-то лучше. Ну, ещё. Медленнее. Вдох. Выдох. Вот. Ещё. Вдох. Выдох. Кто у нас тут самый лучший? Не прекращай. Вдох-выдох. Чем ты лучше остальных? Вдох. Выдох. Сво-лочи. Правильно. Вдох. Выдох. Ну, без лжи мир был бы не-честным по отношению к себе. И это надо. Вдох. Выдох. Вот. Конечно. Трусость — это страшный порок. Конечно, не виноваты. Вдох. Подожди. Медленно. Выдох. Это этап ста-новления. Дыши. Ты под прицелом. И что самое интерес-ное, своими же. Дыши. Вдох. Выдох. Безразличие? А ты что думаешь? Вот и я так же. Дыши-дыши. Понимаю, достало. Ну, а что поделатъ. Не можешь изменить реальность, изме-ни отношения к ней. Ну, да. Так. Вдох-выдох, а, кто такой жлоб? Что? Думаю, тут дело в самой крови. Конечно. Ко-нечно, уникальны и неповторимы. Ну, и как бы ты узнал, что для тебя хорошо? Так, благодари жлоба. Конечно. А ты кто. Царь? Ну уж нет. Дыши, не забывай. Медленно. Глубоко. Электрический свет? Так уйди в лес. А там медведи... Ко-нечно, на рыбу и рыбак. Что? Медленнее. Да. Боже. Говори медленнее. Так на каждого защитника леса найдется тот, кто его вырубает. А лесу что? Баланс? Ну, не знаю. А сам как? Подожди. Пока дыши. Не забывай. Медленно. Вдох. Выдох. Следи, как кислород проникает в легкие. Насыщает тебя. Каждую клетку. И, отработанный, выдыхай. Медленно. Очень хорошо. Закрой глаза. Услышь, что там внутри тебя.

Хорошо. Хочешь, полотенце на глаза положу? Вот. Внутри тебя. Тьма начинает шевелиться. Пробуждаться. И в ней зарождается свет. Осознай его. Вспомни. Я пока покурю. Конечно, тебе нельзя. Вся вечность в твоих руках. Точнее, в тебе. Точнее, ты. Дыши. Дыши. Не отвлекайся.

КАПЛИ

Сегодня внутри меня было так тихо, что я наконец-то услышал эти капли. Кап... Кап... Мне о них говорили, но так чтобы столкнуться лично, такого не было никогда. Я очень внимательно прислушался, и там, в вихрях мироздания, в тишине пещер разума — опять шумно, как бы я ни старался, ничего не получалось. Черт побери, в чем секрет, где тайна этих капель мудрости или знания? Ничего не помогало, я решил добраться до источника, лона или первопричины звука этих капель. Но нужно найти вход. Решено. Я подумал просто подняться на лифте, света не оказалось, провода перегорели, и я пошел пешком... Серпантин разума оказался более крутым, чем мои способности передвигаться, и я остановился. Пришлось присесть и даже не шевелить губами, как бы ни хотелось заговорить, надо было молчать. И от молчания лопались окна. Тогда я выбрался и полез по трубам. Трубы горели. Добравшись до чердака, нужно было завинтить гайки, чтобы его не сорвало, естественно, вместе со мной, а сквозило жутко. Манипуляции выполнены. Между шифером щель. Я заглядываю — и что же вижу? Вот-вот, как я и думал, у меня крыша протекает, ничего, пусть течет, зато не душно.

ПЕРЕОДЕТЫЙ ИВАН

Нарядившись старой бабой,
Иван с силой пнул мусорное ведро,
Да так, что ошметки и шкурки разлетелись
И попадали в места, где и должны были лежать:
Один в кровать,
Другой на шкаф,
Третий на окно,
А четвертый из окна,
А на люстру пятый,
А за шиворот седьмой,
Да так испугал,
Что у переодетого Ивана слетел парик
И немного съехала грудь.

СОБАЧИЙ НОС

Как-то, когда одна собака ела у меня с ладони, я схватил ее за нос и отобрал его. Собака долго пыталась вынюхать меня, чтобы идентифицировать, но безрезультатно, нос-то у меня. Вариантов не было. Я намотал веревку на нос, посыпал специальным порошком, зашевелился. Какая красота. Нос потянулся вынюхивать собаку, чтобы позвать ее к себе. Кому, скажи, палец у виска обеспечен? Собака села, потом закрыла глаза и заплакала. По шерсти текли собачьи слёзы. Ну и пусть, сама виновата, и я расплакался тоже. Тут моя любимая взяла меня за шкуру и унесла в постель, где я ей всю ночь показывал ей собачий нос.

ТАРЕЛКА СУПА

Вот сидим мы за столом, смотрю: тарелка супа-борща, чесночина, на черном хлебе сало и луковица рядом. Левая рука с нестриженными ногтями, пусть им будет стыдно. Капли на столе блестят, как глаза заговорщика. Правая рука держит ложку — трясётся. Золотые кружки (жир) дёргаются туда-сюда, кажется, что они нервничают. Зубы крепко сжал, языком пытаюсь поправить, чтобы было ровно, но челюсть косит. Мысли заклинивает где-то в районе межбровья. Во рту этот неприятный привкус. Удар. Рука, не дрогнувши, как у самурая, ложкой нанесла сокрушительный удар по столу, от ударной волны все это время балаболившая супруга слетела со стула и, пролетев метра два, вылетела в окно, и ее унес закат, так как мы разлюбили друг друга. Удачи тебе, закат.

ЛАМПА АЛАДДИНА

Комната. Две кровати. На одной лежит человек. На кровати у ног стоит настольная лампа. Ноги указывают на окно. Окно открывает проход для ночи. Густой, влажной и свежей. Справа от окна стоит маленький турецкий столик на низких ножках с резьбой. На столе тяжёлая граненая стеклянная пепельница, в ней конфеты, рядом зелёная квадратная бутылка, без этикетки, на краю справа красуется боком волшебная лампа, медная, с гравированными этюдами из восточных сказок, где колдун из рукава достает огромного каменного исполина с изумрудными глазами и рубиновым сердцем, где черноволосая белолицая красавица томится, прикованная в башне с ледяным шпилем. Там, где жаркое солнце высушивает землю и даже змеи берегут животы. Носик у лампы, изогнутый лебединой шеей, заперт пробочкой на цепочке, протянувшейся до крышечки без ручки, — закрывающей лампу. Смотря в окно, человек боялся ночи, того, что она в себе хранит. Тайна, интересовавшая человека, не давала спать уже много дней. Он все смотрел на лампу, постучит ли кто с той стороны. Дымка тумана устало переползла в комнату и мягко расстелилась по полу, вырисовывая сказочные сюжеты и разворачивая истории давно минувших дней... Тук-тук-тук.

НА НАБЕРЕЖНОЙ

Сегодня встретил человека, чертовски непривлекательного старика с орлиным носом, с волосами, словно куры разнесли солому — чтоб им! — в коротких джинсовых шортах, тенниске, белых носках и кедах. На носу черной вороной, словно на ветке, расположились очки. Дед курил папироски, жевал жвачку и возбуждённо жестикулировал, причем сам с собой. Мимо старика проходила дама, ухоженная, в обтягивающем платье и шляпе. Я отошел взять фрукт, слышу: старое падло засвистело и заулюлюкало, я выглядываю в окно — оно, причмокивая губами и делая жест пальцами — так, как подзывают собаку, кадрит дамочку. Дама развернулась, с добротой душевной прочистила горло и как харкнула прямо в очки деду. Это было неожиданно, я отбросил в сторону плод граната, так что он оставил на бледной плитке кровавый след, и начал наблюдать, как старик повалил на землю дамочку, так что туфельки вылетели через ограждение набережной, но сам споткнулся на ровном месте и упал носом в пол. Я подобрал свой гранат, и по моим рукам потек красный сок.

ПОПУСКИ

Открыв дверь, Катя нащупала рукой выключатель на стене. Клац. Не включается. Девочка пошла на кухню, где ее ждал друг. Ничего не сказав, она взяла со стола фонарик и пошла обратно. Друг потянул ее за руку, но она отдернула руку. Фонарь светил слабо, предметы в комнате отбрасывали тени монстров. Катя прошла в центр комнаты, осветила туда, осветила сюда, ничего не было видно. Тогда она взяла в рот фонарик, открыла шкаф и начала рыскать в нем, потом комод — нигде нету. Катя позвала друга, когда тот пришел, погладила по загривку, поцеловала в холодный нос, сняла с себя одежду и открыла окно. Подул сильный холодный ветер, который доносил мелкие капли. Дождь усиливался. «Ну и черт с ним, сама справлюсь». Катя включила горячую воду, которая начала наполнять ванну, откупорила бутылку водки, залезла в ванну, расслабилась и уснула. Собака сидела рядом и облизывала свисающую из ванны руку.

ВОЛКИ

Утро. Ломит кости. Из всей комнаты солнце сквозь окно светит именно на лицо. Перевернулся набок. Что-то пискнуло и зашевелилось под одеялом. Странное дело. Приподнявшись немного, обнаружил — в районе живота и пониже, свернувшись клубками и спрятав носы, лежит волчья стая, крохотная, как комочки ворса. Один из них прихрамывал и скулил, из-за моей неловкости он теперь будет отставать, скорее всего, стая его оставит. Суровые волчьи законы действуют и под одеялом. Конечно, я их вытряхнул на пол. Надо бы поменять постель. Интересно, к чему заводятся волки?

ИВАН НИКОЛАЕВИЧ КРУКС

Как-то один человек шел по мостовой и нашел железную монету. Попробовав на зуб, пощупав, прищурясь, поглядел так да этак — и выкинул ее в реку. В это время под мостом сидела лягушка. Испугавшись плюхнувшейся монеты, нырнула вглубь, оставив круги на воде. Человек, который выбросил монету, был посыльный Иван Николаевич Крукс, мужчина с уже лысеющей головой и задранным кверху носом. На нем были коричневые туфли, потёртые временем, старый пиджак с кожаными накладками на локтях и шерстяные брюки. Походка у него была, как всегда, бодрая и веселая. Иван Николаевич решил по дороге зайти в рюмочную, из которой пахло пельменями и дружками-пьяницами, которые били баклуши, попивая портвейн и обсуждая последние новости, гремевшие на всю деревню. Николай Иванович по старинке (замечу, каждый четверг, а сегодня был именно он), любил выпивать сто грамм водки с перцем и задумываться о своём. Но мысли были тревожны, ведь сегодня в село приезжает сам граф, который и был изображен на монете. Все нелюди, прихорошившись с утра пораньше, были уже пьяны или навеселе. Но Николай не любил графа, так как знал, что тот живет в болоте. Никакого уважения к таким.

ДЯДИНА БОРОДА

Однажды один дядя, который любил чесать бороду, такое выдал, кому сказать — не поверят. У дяди была длинная густая борода черного цвета, вся такая расчесанная и растакая ухоженная, вылизанная котиками, вымащенная маслами, украшенная цветами. Сам-то дядя был ростом не выше детского горшка, а борода у дяди была по пояс. Бывало, сядет на открытой форточке, на которую он залазит по канату, заколошматит папиросу, оближет бумажечку, понюхает табачок, так что аж нос щиплет, как завернет, так и пыхтит, ох, и довольный дядечка, а потом сидит и бороду гладит, ей-богу, что-что, а бороду он гладит славно, одно загляденье. У дядечки, надо сказать, есть специальный футляр, тубус своеобразный, в который он складывает рулончиком бороду, просовывая через отверстие в крышке. Тубус бархатный, украшенный цветами и драгоценными камнями. В общем, дело-то в чем? А вот в чем! Как-то на прогулке по балкону в чудесный солнечный день одна гуля стащила своими лапами тубус с запакованной в нем бородой. Вот так, жизнь без бороды не сахар.

ГУСАР АЛЕКСЕЙ

Из-за закрытого окна просочился маленький ветер, юркий, словно уж. Ставни я заколотил плотно, так что и свет, даже если бы сильно старался, едва бы проник сюда. Нет, свет бы не пробрался, слишком долго я заколачивал, цементировал, а сверху ещё и заклеил обоями. Тем не менее, ветер пробился сквозь махонькую щель, расковыряв побелку, и тонкой струйкой устремился прямо в глаза, так что я, не успев моргнуть, ощутил, как в меня начал пробираться холод, и все это напомнило мне Кая с его ледяным сердцем... Потекла слеза, очень горячая, оставляя красный след и запах моря. Когда она дотекла до подбородка, сорвалась вниз и упала на ноготь на большом пальце левой ноги, прям хлюп — и все. Опустив взгляд, немного скосив губы дугой и приподняв брови, я застыл в немом удивлении. В ту же секунду с глаз побежали гусары на диких скакунах, лихо раскручивая шашки над головой. Свист гулом прострелил два уха и вылетел через замочную скважину наглухо запертой двери. Гусары приземлились на пол и помчались в неизвестном направлении. Я плюнул в их сторону, попав несколькими каплями в крайнюю лошадь крайнего гусара, та поскользнулась, издала какой-то звук, что-то на лошадином своем языке, и растянулась на все четыре стороны. Мелкий гусар кувыркнулся через лошадиную голову, приземлился прям на жопу, матюгнув жизнь, ноги в сторону, шапка слетела, зачесал репу и устремил взгляд в сторону удаляющихся товарищей по

направлению двери, которые мигом, не раздумывая, пяткой в бок — и кони понеслись галопом. Потом вскочил, пошатнулся влево, вправо, приставил ладонь ко лбу, прижмурился и начал на меня тарашиться, противно причмокивая. Холодный ветер будто сковал все мои мысли, казалось, канаты моей души вот-вот должны были оборваться. «Твою мать!» — мелкий гусар, как оказалось позже, Алексей, начал рубить по пальцу шашкой, конечно, по ни в чем не повинному мизинцу. Я схватил его большим и указательным пальцем ноги, шашка выпала у него из рук, он пытался отчаянно выбраться, я чуть поднажал — и Алексей дико, совсем не по-гусарски, запищал и расплакался...

КАРМАНЫ МАЛЬЧИКА

Один маленький мальчик любил ходить с руками в карманах. Шортики и штанишки, собственно говоря, ему выбирала мама, по фасону. Любимые карманы были пришиты к шортам синего цвета с проглаженными мамой «стрелками», руки в этих мешочках лежали особенно приятно. Карманы из хлопковой ткани нежно, заботливо, как прикосновение Елены Карловны (вышеупомянутая мама мальчика), обволакивали и ласкали кожу, нигде не натирали, потому что швы были сделаны аккуратно и с любовью. В этих карманах ловко можно было скрутить фигу, зажать что-то в кулаке, например, жука или конфету, или растопыривать пальцы. Володя, так звали сына Елены Карловны, пошел как-то на пруд и наловил полные карманы тритонов, держа руки в карманах, чтобы они не разбежались, и что есть духу погнал домой. Прибежав домой, он увидел, как тритоны взяли в заложники его маму...

1.80

Нет, ну как скажешь, но была у меня одна знакомая, ну скажем так, хорошая подруга, ну предположим, что мы с ней несколько раз виделись, хотя неважно. Так вот, у нее была сестра Катя, интересная девочка, длинные ноги, стильная, вкусная, начитанная, сексуальная, ух, в общем, и была у нее подруга Ольга. Боже мой, Ольга из Германии метр восемьдесят, Карл, метр восемьдесят. Я метр восемьдесят шесть, и эта Ольга носилась по улицам на каблуках, это было целое представление, хуй его знает, как ей страшно не было.

Девчата, ну вы, конечно, даёте, ну молодцы.

МУХА

Он заметил, как справа налево, неистово жужжа, мимо его глаз пролетела муха. Выписав немыслимый маневр, пикировала в старинный бабушкин комод, передававшийся уже пять поколений по наследству. Упала, издала последнее жужжание и упокоилась.

— Блядь, а её-то за что?!

И тут же он стремительно вонзил вилку в последний пельмень, весь в масле и давно остывший. Пережевав, победно чавкая, решил: да, чёрный перец уже не тот, а кто остался прежним, кто? При этой мысли что-то такое, давно забытое, из далекого детства, появилось у него в голове. Немного призадумавшись и почесав щетину, доковыривая кусочки теста на тарелке, понял, что подсушило. Встав из-за стола, огляделся и решил напиться водицы. Дрейфующим шагом ноги повели за калитку через дорогу. Рука устало крутилась вместе с ведром, местами приходилось поправлять цепь огромными, в морщинах, руками, когда заветное ведро прибыло на поверхность, губы зашевелились — и процесс пошёл. Вода волнами накатывала в рот, размягчая пересохшие щеки и открывая стеклом стоявшие глаза. Пришло понимание, что волосы на щеках, торчавшие, как школьники у женской бани, начали приносить дискомфорт. Вернувшись домой и достав из потертого временем комода опасную бритву, призамыслился над тем, что между собой обсуждают бабы, когда сидят в парилке и потеют. Но мысли враз по-

кинули его голову, когда за дверью послышался звук, напоминающий крушение корабля, ударившегося о скалы. Бритва застыла в ледяной хватке руки и угрожающе откидывала солнечные зайчики то на дверь, то на стену. Он расставил ноги пошире, позиция обороны была принята.

ЗАПАЯННЫЕ НОГИ

Мне хотелось встать и пойти, но ноги застыли и не желали отрываться от ледяного пола. Я вопросительно на них уставился, и на секунду показалось, что они будто деревянные и, корнями ловко и крепко пробив асфальт, устремились глубоко под землю в поисках воды. Оттолкнувшись руками от лавочки, я лишь на несколько сантиметров оторвался от тёплого дерева. Нет, это никуда не годится. На улице было светло и солнечно, деревья отбрасывали тени, длинные чёрные полосы, а в голове заиграли клавиши что-то наподобие «танца с саблями». Мимо бесконечным потоком проезжали машины и длинные автобусы, некоторые были распловинены и соединены «гармошкой», становилось холодно, а прохожих — все больше. Тут я заметил мальчика лет девяти в смешной шапочке зелёного цвета, в детстве у меня была подобная, с козырьком. В руках он нёс длинную палку представляя, что это меч, катана¹, не иначе. Едва моя голова повернулась в его сторону, послышался сигнал автомобиля, и мальчик нанёс сокрушительный удар о дерево. Сломал меч. Сломались и мои деревянные оковы. Я вскочил — и понеслось. Я мчал сломя голову, высунув язык, выпучив глаза, как ящерица, и кричал, как людоед. Мимо проносились деревья, лавочки, люди, машины и старенькие, устав-

¹ Меч (дайто). По форме клинка катана напоминает шашку, однако рукоять у неё прямая и длинная, что позволяет использовать двуручный хват.

шие автобусы, я мчался что есть силы, сердце колотилось, мысли рассыпались, как сахар из пакета, и собрать их не было никакой возможности, ноги перебирали всё быстрее, и муравьи не теряли времени. Глаза залила густая дымка, чувствовался вкус неизбежности, в уши проникли два карандаша, я стал ощущать себя подводником глубокого погружения, опускающимся на самое дно сокровенного. Когда дно было совсем рядом и в глазах стало реально темно, я понял, что это знак, настало время оттолкнуться и воспарить... А-а-а... я что, умер? Тогда почему голова разрывается, как петарда в школьном дворе, на мелкие кусочки, и собаки гавкают? Открыв глаза, чувствую тошноту и тупую боль. Что же произошло? Так-так, я лежу, вокруг меня апельсины, катятся черт знает куда, яйца разбиты... Господа, партия выиграна, и огромную, как само мироздание, слоноподобную женщину в розовых лосинах и с разбитой об асфальт черепушкой не дождется уставший после работы голодный, купивший завернутые в газету хризантемы жених...

СУЛТАН ПАВЛОВИЧ

Сергей Павлович разбудил меня своим неожиданным появлением, вошел в комнату, шаркая тапочками из верблюжьей кожи. Я вмиг проснулся, медленно вытащил нос из-под одеяла, учуял смесь этих странных масел, которыми ни свет ни заря Сергей Павлович успел намазать свои волосы, расплющив глаза, увидел восточного торговца из сказок, которые мне читала бабуля в детстве. Ей-богу, на нем красовалась глупая ермолка с помпончиком, халат, как у турецкого султана, мало сказать, у него были тонкие усики, как у китайского императора. Видите ли, этот утренний обход фазенды моего дядюшки заставляет Сергея Павловича снова обрести форму после того каверзного случая.

— Доброе утро, Сергей Павлович, — сказал я, а сам подумал: «До чего же мерзкий этот таракашка».

Султан промолчал, отпил глоточек утреннего чаю и протянул мне ложку рыбьего жиру... День начался... А ведь меня замучили этим жиром, я же просил, я же умолял, даже угрожал, но нет, а тут еще сам Султан Павлович...

ЛЫСЫЙ ОДНОГЛАЗЫЙ

Узнать его было несложно. У него всегда висела повязка на правом глазу. Черный кусок хлопковой ткани, свернутый аккуратным треугольником. У него никогда не было бороды. Но были лихие тонкие усики, придававшие ему жуткий таинственный вид. Череп всегда блестел и был гладким до скрипа. Чаще всего на нем красовалась кожаная куртка-бомбер и, что важно заметить, что летом, что зимой. В спортивных штанах с тремя полосками и белых теннисных кроссовках он чувствовал себя уверенно и молодо. Нужно отметить, что в зубах у него всегда была папироска, чаще всего уже докуренная. Такая привычка.

Этим утром он сидел на лавочке, стоявшей напротив детской площадки. Там, где одна сонная мамочка куняла с пакетами в руках и одним глазом присматривала за голубой коляской на больших колесах с поломанными спицами. Утро было ранним, часов семь, не больше. В эту ночь ему совсем не спалось. Всё думал о влиянии электромагнитных волн на разум человека и почему Якубович не стареет. Посещали, конечно, мысли о несправедливости и разбитых дорогах, о ценах на хлеб и на водку, о нелепости бюрократии и о желании поехать на лиман наловить маленьких пучеглазых креветок. Сварить их прямо на пляже и, не чистя от мундиров, набить ими полный рот, запивая светлым пивом, холодным и освежающим, подкатать штаны, сесть, окунуть в воды моря ноги и перестать о чем-либо думать. Застыть,

так сказать, в моменте. Оставить суету позади. Думая об этом, он сделал кроссовкой маленькую ямку и прикопал в ней окурок. Мамаша напротив таки заснула, облокотившись на ручку коляски. Из пакета торчала парочка багетов, один был надкусанным, бутылка какого-то напитка, очевидно, лимонада, и огромный пучок петрушки, напомнивший ему тихую рощу, где он пацаном собирал березовый сок, который так чудно преображался в удивительный ржаной квас и окрошку. Поднеся правую руку к глазам и посмотрев на часы, он встал с лавочки, взял газету, на которой сидел, аккуратным движением свернул ее в рулончик, пошел на остановку, куда, не спеша, подползал трамвайчик, достал папироску, взял в зубы, прикрылся курточкой, подкурил от спичек, затаился-выдохнул — «Да-а-а, заебись».

БЕЛАЯ СКАТЕРТЬ И ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК

Стол был накрыт белой скатертью, а на столе ваза пузатенькая, с тонкой длинной шейей, покрытая разноцветной глазурью, луговые цветы в вазе пели и шептались, колокольчики тихонько посмеивались над медуницами, полевые маки корчили рожицы ромашкам, эхинацея пурпурная обнимала герань.

Рядом с вазой красовалась большая банка с абрикосовым вареньем, светящимся как солнышко. В прозрачной бутылочке вино из одуванчиков пританцовывало, манило своим ароматом и хитро подмигивало.

Добрый человек, сидевший на стуле рядышком со столом, резким, можно сказать, дерзким движением закинул ноги, обутые в чёрные, из мягкой кожи, сапоги по колено, на стол.

ТАНЦУЮЩИЙ МАЛЬЧИК

Мальчик любил танцевать, для этого он специально сшил себе ботиночки из мягкой кожи, зеленого цвета, не простые, а такие, что когда ты их наденешь, ноги сами начинают выделяться в замысловатых танцевальных фигурах, вертилях. Ноги как бесноватые тряслись и шалили, как свидетель на свадьбе. Однажды так разошлись, что когда мальчишка упал без сил, они понесли его по своим делам, а дела эти были посреди леса, на поляне, где кабаны своими пятками искали и вынюхивали трюфеля. Луна круглолицая подмигивала танцору и поддерживала своим светом, чтобы ноги не запутались. Шнурки встали дыбом, как змеи под руководством умелого йога... Крикнула во весь голос ворона, и посыпались, кружась, листья, выписывая безумные фракталы, причудливо вырисовывая формы, напоминавшие те истоки, из которых мы вышли, чтобы узнать что-то новое, мальчик потерял ориентир в пространстве, и тогда звери, давно спавшие в своих норах, решили затащить его в свои дома, ему было всё равно, зайцы, барабаня лапами о землю, начали звать кротов, чтобы пухлая земля служила ему подушкой.

ВЕТЕР В ЛЕСУ

Ветер своим дыханием пробирался медленно, но уверенно сквозь густой и тёмный, как ночь, лес. Совы, лисы, змеи, зайцы, мыши — все обитатели исчезли из виду, грибы укрылись листьями, травы прижались к земле, будто прислушиваясь к происходящему. Ветер со свистом, как пробка из бутылки, вылетел между двух громадных дубов, своими огромными ветвями напоминавших древнее застывшее чудище. Крикнул ворон — и лес снова зашевелился. Из-под веток показался ёжик, искусно замаскированный листьями, и полез искать детишек, раскиданных суровым ветром, лисичка выюном запрыгнула к себе в нору, а зайцы решили переждать непогоду и залегли спать.

БАРАБАРАМ

Он сидел на ветке дерева, под которым кабаны, хрюкая от удовольствия, жевали жёлуди. Пятаки-пуговики извивались, а глаза бегали в разные стороны, как муравьи. Когда он пулял в кабанов ветками и желудями, кое-кто из них пытался добраться до него, упираясь лапами в ствол огромного дуба. От этого его маленькие ножки, одетые в коричневые кожаные башмачки с маленькими зелёными бантиками, начинали произвольно дергаться в воздухе. Когда ему становилось смешно, помимо ног у него ещё тряслись щеки, и, чтобы не упасть с ветки, он ловко хватал себя за уши. Ещё у него был зелёный котелок, такой старый, что на нем сначала поселилась сойка с двумя птенцами, но потом она все же улетела. Тогда, чтобы птенцы не мокли, появился мухомор-гуляка. На нем красовалась большая красная шляпка с белыми точечками. Надо сказать, что человечка звали Барабарам, точнее, он был лепреконом, да-да, и у него был горшочек с золотом. Так вот, у него зелёный пиджак, белая рубашка с кружевными рукавами и короткие бархатные зелёные штанишки, из-под которых видны красно-зеленые носки в полоску.

ГОРИТ ХАТА

Горит хата
Выноси
Пламя откидывает
Алый цвет в ночи
На треснувшую побелку
Солома огнём полыхает
И рухнула балка
Треск
Хата горит
Посреди замерзшего поля
А я смотрю
Да руки в карманы
Правда
Оглядываюсь
Не моя ли пылает?
Или пока только дымится?
А ветер так юрко
Свистит на чердаке
Горят оконные рамы
От напряжения треснули стекла
Отошёл на шаг назад
Почесал затылок
Огонь греет
Повернулся спиной
Трещит

Мимо
Прошли
Двое
Собака
И кошка
И начали чухаться
Не переставая
Чем больше огонь разгорался
Тем больше я потирал ладони
Трое
Две собаки и одна кошка
Странная кампания
Очень хорошо чешутся
Начали искать друг у друга
Зубами блошек
Пнул замёрзшую капусту
Зашиб ногу
Кинул капусту в окно
Выбил остатки стекла
Решил присесть на корточки
Затекли ноги
Встал
Задумался о сарае
И стоит ли ему гореть?
Хорошо ли когда всё сгорает?
Главное дотла
Главное дотла
Если останется
Неприятно с этими тряпками
С мыслями
С человечками

Великанами
Волшебными лампами
Раскалённая она невыносима
Пусть все дотла раз загорелось
Гулять так гулять
Ну правда
Гори оно огнём
А чего? Отлично
Норм
Хорошо
И ветер все сдует
А вода смоем
И земля
Родит
Что-то
Новое на этом месте
На горелом
Холодном
Воспоминании
Да и черт с ним
Домой хочется
Пора вспомнить дорогу
Я где-то потерялся
Пусть все горит
Пора домой

НАХУЙ ЛИФТ

Сегодня решил пройтись по ступенькам — нахуй лифт — на пролете с шестого на пятый я увидел девочку лет семи, она сидела на подоконнике и жевала бутер, причем колбасой на язык. Мы перекинулись парой слов, оказалось, она начальник ЖЭКа. Ну, я сначала удивился, мол, говорю, она ещё «неопытная» ввиду своего возраста для этой должности. Попросил разобраться с вопросом обоссанных лифтов и подпаленных спичек на потолке, после чего она рассмеялась, задёргала ножками в розовых колготках и продолжила наворачивать за воротник. Меня это возмутило, и я потребовал объяснений. Объяснения пришли в виде половинки бутера, точнее, это было реально полбатона, а не бутер. Я сел рядом, откусил смачный кусень, начал медленно пережёвывать и вдумываться в вопросы, касающиеся общего быта и благоустройства.

— Жека, — позвала мама нашего управдома, — домой...

ОСТАНОВИЛОСЬ

Остановилось
Осознавалось
Ощутимо
Дыхание
Стало тихо
Вокруг мир движется быстро
Плохо видно
Туман
Брать за руки
Робко
Гладить щеки румяные
Горячие
Прислушиваясь к дыханию
Можно
Если пальцы
Красивые
Тонкие
Не чёрствые
И знают карту твоего тела
Пальцы под которыми
Кровь кипит
И которые сжимают волосы на темени
Ночью в период беззащитной кисельной
Исповеди
Когда тихо шепчет на ухо

Исход всех истин
Когда находится
Смысл
И без причины
Тихо ложится на веки закат
Ты отдыхаешь
Ложись на землю
Испускаешь последний вздох
Думаешь мне все равно?
Думаешь
Я не хочу танцевать
Передвигая себя от истины до смысла?
Сквозит
Прям выдувает из темени
Столько было вопросов
Давай задержим дыхание
Мы есть друг у друга
Хоть на мгновение.

СОН ПРО ИНДЕЙЦЕВ И КОТА БАЮНА

Проснулся после сна, в котором за мной гнались индейцы, ей богу, я все-таки удрал.

Встал, решил принять ванну, насыпал соли кухонной, морковку, лук целый, корень сельдерея, лаврушку, кинул помидор, со вчера замоченный нут, головку чеснока, разные специи. Включил кипятильник, настроив смеситель, и лег туда. Конечно, вода немного обжигала, но я понимал, что это ради благого дела.

Пришел черный кот и стал меня помешивать. Вода меня ушатала и приболтала. Кот Баюн переложил меня к себе на спину. Я уже был по ту сторону зеркала и стучался в свой глаз, как в стеклянный экран лампового телевизора. Мау-мау-ма-а-ау. Котячья колыбель делала экран все более мутным. Мау-мау-мау. Мягкая шерстка на пушистой котячьей спине — согревала, и я начал в нее проваливаться, в густую, черную, бездонную пустоту. Краткую, глухую, безмолвно проникающую во все поры, оставляя на языке привкус кефира или ряженки, с долгим послевкусием. Мау-мау-ма-а-ау. Котик посмотрел на меня зелёными змеиными глазами или выпученными и черными, как грампластинка, а острые ушки-то висят у него, как у спаниеля. Черт побери, я забыл, что варюсь, и быть может, кастрюлька моя закипела и мне сорвало крышку, которая с диким свистом и грохотом разбила лампу, может, это причина тьмы, липкой, как горячий мед. Зачем я тебе нужен, а, котик? Шершавый язык слизал меня,

как сметану, размазав все представления о себе, перемешав цвета моих доводов, и, мурлыкая, перестроил мне все параметры, то есть — перевибрировал. Открыв глаза, обнаружил себя сидящим на дереве, левой рукой я обнимал столб, в правой — была тарелка супа, а на коленях сидел кот, ел суп. Мау-мау-мау. Котик. Ешь. Котик. Мау-мау. Супчик.

МУЖИК И ЧАЙНИК

Один крепкий мужик со здоровенной, заросшей рыжей рожей купил себе чайник. Идёт он с чайником, а сам такой довольный, чайку заварить сможет, да с яблоками — объедение. Только вот незадача: нету чашечки. Ну ничего, ничего, попьет из носика. Пришел домой в маленькую квартирку на первом этаже, там, где из единственного окна были видны ноги прохожих. Зажёг керосинку, поставил чайник. Ой. Снял чайник, налил воды, вернул на место. Поставил напротив стул. Сел. Локти упёр в ляжки. Руками подпёр голову — и сычит. Прислушивается, булькает или не булькает. Частенько при этом встаёт, снимает крышку, кладет на место и, расстроенный, садится дальше наблюдать. Ура. Крышка начала подпрыгивать. Взял рукой за ручку чайник. Ай! Ой! Горячо. У-у-ух. Взял шапку и снял чайник. Так. Куда поставить? Пень под столом. Точно. Выкатил одной рукой. Поставил. Шапку на стол. Ой, плохая примета. Покрутился и все-таки запихнул в задний карман брюк. Смотрит, а из носика идет пар. Красота. В окно кто-то постучал ногой. Отдёрнул штору. По туфлям из хорошей мягкой кожи коричневого цвета сразу понял, кто это. Человек наклонился. И, как на экране телевизора, засияла такая же здоровенная рожа, только лысая и лопухая. Рожа заулыбалась. И показала бутылку водочки. У-у-у-у, призамыслилась нам уже знакомая рожа, озадаченная чайной церемонией. На том и сошлись.

ШКАФ

Узнал, что в шкафу кто-то прячется, а уже было темно и страшно, однако любопытство взяло верх — и начал разрабатываться план действий. Шкаф находился в прихожей, а слева красовались большие, величественные рога оленя, вместе с его головой, пучеглазое чучело с немного высунутым языком, воистину это был альфа-самец, повелитель леса. Хочу заметить, в прошлую субботу, когда никого не было дома, я вышел на улицу через задний вход, во двор с большим деревянным столом, точнее, это был гигантский пень, который выкорчевали и привели в надлежащий вид. Чуть поменьше стояли массивные пни-стулья, хвойные великаны, которые казались ещё недавно совсем малышками, ростом с меня. Собственно, вышел я посмотреть, выползла ли старая гадюка на солнце, у неё была тут нора, а мать подкармливала её молоком. Гадюки не оказалось, но поблизости лежала её чешуйчатая шкура, а это значит, что гадючка-хозяйка подросла и скоро осень. Шкуру я решил забрать, она будет меня оберегать и приносить удачу. Свернув её гармошкой, положил в спичечный коробок, который лежал на одном из стульев, и спрятал в надежный карман в моем джинсовом комбинезоне, прямо посреди груди. Внезапно я услышал, как дверь захлопнулась, очень странно, ведь она была закрытой. Спрыгнув со стола и нанеся несколько сокрушительных ударов лопуху, я открыл дверь, впрыгнул в дом и начал пристально оглядываться. Мой взор был, как

прицел у винтовки, да, точно, как у винтовки, к тому же с прицелом, к тому же лазерным. Проходя по узкому коридору с деревянным полом и стенами и с таким же потолком, я сканировал каждый сантиметр, каждый пакетик был проверен, шкафчики открыты и внимательно осмотрены, в куртке на вешалке тоже никого не было, на диване никого, на кресле с мягким огромным одеялом — никого. Тогда я решил спрятаться под ним и немного переждать в засаде, но почти сразу вылез, потому что было душно и ничего не видно, немного в нем запутавшись, я все-таки выбрался и продолжил поиски, но перед этим съел яблоко, красное и твёрдое. Теперь, держа в руке только хвостик, я решил проверить тот самый шкаф, шкаф, возле которого величественный олень с огромными рогами висит на стене и смотрит выпученными глазами. Подкравшись к нему почти вплотную, стоя прямо под оленем, решил приоткрыть дверцу, но в шкафу что-то зашуршало, и я сломя голову понёсся прочь, перевернув по дороге корзину с орехами, выбежал на улицу, запрыгнул на стол, схватил палку и начал ждать. Сейчас я ему задам, пусть только выберется, ох, я ему задам тумачков. Но никто не вышел. Хитрый, наверное, так же притаился в засаде и ждет, чтобы я попался в его ловушку.

ПУЗАТЫЙ ЧАЙНИК

Заварив большой пузатый чайник с чаем и предложив конфет, старенький мужичок в длинном платье и тёплой жилетке, усевшись на вышитую подушечку, начал рассказывать про то, как на жаркой улице с выгравированными старинными мандалами на стенах случилось кое-что таинственное и необъяснимое, про что лучше и не начинать разговор. Про звёзды и почему нужно ночью смотреть под ноги. Про женщин, поющих о возвращении домой, и о мужчинах, играющих на старинных инструментах. Про резкие скулы, про острую еду, ароматы цветов. И наконец, про чай в пиалах, которые стали горячие и благоухающие. Про чай мы говорили без слов, тонко прислушиваясь к аромату фруктовых конфет и переглядываясь. Узкая улица, песок. Жёлтые стены. Жёлтое солнце. Резкий поворот. Видно ноги убегающего мальчика. Уже не видно. И вот он перед нами, из какого-то тайного входа шепчет старику что-то на ухо, берет рукой конфету, кидает в карман. И не поворачиваясь, спиной выходит. Нащупав рукой дверь, старик вежливо поклонился, встал и направился в дальнюю комнату. Отворилась дверь ключом, который висел на шее. Скрылся, через несколько минут вышел. Белый тюрбан на голове, сабля на поясе, а в руке медная старинная лампа.

ТОЛПА МУЖИЧКОВ

Как-то я увидел на улице целую толпу мужичков. Одни были высокие и статные, другие все время куда-то опаздывали, одни мужички были лысоваты, другие несли в своих руках свои же животы, ещё одни красовались орлиными носами, это те, у которых грудь — амбразура.

Мужички были разные. Громогласные зазывали, молчаливые бежали, зеваки улюлюкали. Масса из мужичков наполнила огромную «римскую черепаху», шедшую в атаку. Командиром оказался Степан Валерьевич Кол, статный мужчина преклонных лет с большим орлиным носом и взъерошенными волосами черного, смолянистого цвета. В руке он нёс, держа за уши, зайца, белого с черным пятном на лапке.

На улице шел мелкий дождь, а сильный ветер превращал его в иголочки, листья летали, как ошалелые, а с ними — дети, собаки, разнообразные пакетики и кошки. Птиц видно не было. Один старикашка из толпы, крикнув «ура-а-а», побежал, но его сбило с ног дорожным знаком «Стоп». Все остановились. Старик ползал по мостовой, держась за разбитый нос. Кровь смешалась с дождем и окропила шестивие. Мимо пролетела кошка. Грусть накатила, но старику никто не помогал, мол, сам виноват. Толпа пошла дальше, а он остался ползать. Ударил гром. Начался ливень. Смыв и старика, и все следы толпы, всё кануло в историю, которую будут пересказывать внукам, как эпос. Ещё долго эхо-о-ом звучало в воздухе жалобное «мя-я-я-я-я».

ВЕЛИКАНЫ И КАРЛИКИ

Нас насилуют не великаны, а пошлые и тупые карлики.

Эрнст Неизвестный

Одни мужички начали интенсивно взбегать по лестнице. Другие же повысовывались в окна и завертели головами. Толпа на улице разрывала на части курицы гриль. Крылья, лапы, жопки, ребра, белое мясо и зажаренная шкурка летали, как бы смешно это ни звучало, над головами честного люда. Шустрые коты. Также пристрастились к пиру.

Надо заметить, усы были одинаково жирны, как и лапы прожорливых ртов. На звуки чавканья пузатые мужики повываливались из окон, поналамывали себе ног, ползали и губами, как пылесосом, всасывали кусочки курочки и зажаренной шкурки (последняя считалась деликатесом). Те, что бежали по лестнице, взобрались на крышу и начали швырять вниз туши кабанов, полосатеньких, как арбузики. Кидали по четыре, а иногда и по пять штук за раз.

Туши кидали на старые матрасы, и оттуда другие мужички тянули их на верёвках, потом еще одни поднимали их в огромный самосвал КАМАЗ. Куча живого и мертвого мяса смешалась, так что некоторые мужички закидывали других мужичков в КАМАЗ без разбору. Те не сопротивлялись. Приехал другой грузовик и вывалил целый кузов кур на землю. Вы бы видели, какой мордобой начался. Летела шкура, зубы, ключья волос, некоторые умудрялись прятать куриц за

пазуху, но тут же таких грамотеев забирали странные люди под руки, волокли, избивали, а куропродукты изымали и зашвыривали в самую массивную кучу проглотов. Из окон начало выпадать ещё больше пузачей с засаленными волосами и жирными пальцами, а кабаны все интенсивнее летели вниз, толпы красно-рыжих, пылающих от жара мужиков смеялись друг друга в бесконечном конвейере отделения подъёма кабанов и пожирания курей. Те, кто не мог жрать, был забран странными людьми для избиения и насильного заталкивания в них куриц. Начало темнеть, и прозвучал сигнал. Подъехали роскошные полированные машины, двери открылись, послышался ещё сигнал, подбежали люди с носилками и начали укладывать повалившихся животами кверху обожравшихся пузачей и нести к машинам, там они были тщательно вымыты из брандспойтов, напомажены, переодеты в чистые костюмы и отправлены служить народу.

ЖЕНЩИНА С ПУДЕЛЕМ

Как-то раз одна женщина
Гуляла со своей собачкой
Белым кучерявым пуделем
По кличке
Арнольд
Названным так в честь
Покойного мужа
Небо было голубое
На удивление
Капли-камикадзе
Неслись
Людям на головы
Пробивая их насквозь
Обнажая души
Земля подсохла
И можно было перепрыгивать через лужи
Женщина была в красном пальто
И белом берете
Из которого торчали ворсинки
Собака бегала по кругу высунув язык как чокнутая
То за голубями
То за хвостом
То подбежала облизать
Тетушке руку
Ну и ладно

ВСТАТЬ И ПОЙТИ

Так хотелось встать и пойти... Но куда?

Куда идти? Глаза огнем горят! Не то от страсти, не то от лихорадки. Впереди холод, сковывающий разум, убивающий желание передвигаться. И я спрашиваю: «Куда идти?».

Невыносимо. Кинул стул в окно. С треском посыпались стекла.

Все мечты, планы, цели, мысли, чувства, тело. Я. Не я.

Дом треснул и посыпался.

Посыпались твои слезы, а толку? Ко мне они не попали.

Вообще. Никак. Незачем. Ко мне-то?

Еще раз повторяю.

Вход слева. Впереди дуб. Зенит. Откидывает тень.

Встать под дерево. Выпить воды. Лучше умыться.

Подойдет собака. Пропусти. Подойдет еще собака — эту тоже.

Подойдет кот. Пропусти. Не гладь. Не зови, не корми, не пои.

Мертвые идут своей дорогой. Будь непоколебим.

В левом кармане иголка. Будь аккуратен.

Достань и проколи безымянный палец на правой руке.

Будет душить. Не бойся.

Появится яркий свет. Не беги от него. Вдыхай.

Слева появится женщина. В черном.

Бледная, с сухими тонкими губами. Поцелуй ей ноги.

Дай напиток крови из пальца.

Сними ботинки. Посмотри на свои ноги.

Змеи начнут расползаться. Ползи за ними.
Увидишь воду. Приложи усилия. Остановись. Подойди
к воде.
Стань на колени. Умойся. Пять раз.
После прыгай головой вниз. Отталкивайся. Это и есть ты.

**ЖЕНЩИНА
БАБУШКА
ДЕВОЧКА**

Сидела одна женщина
Или бабушка
Или девочка
У окна
В деревянном доме
Темного
Закоптившегося цвета
На крыше сидел петух
Старый уже
Хриплый
С большим хохолком
И кричал невпопад
Так что
Вокруг
Местные проживающие
Недолюбливали
Женщину
Бабушку
Девочку
Хотя по сути-то
Она ни в чем не виновата
Да обижена

Из-за того что теперь целыми днями
Смотрит в окно
И совсем забыла кто она
И как долго ждёт
От этого завалилась
Одна из стен
На печи
И оттуда выпал
Закашлявшийся домовой
Маленький
С большими ушами
Со спутанными волосами
И весь в саже
Ну ёлки моталки
Отозвался домовой
И вылетел в окно
Головой вперёд
Так что перевернулась
Девушка
Женщина
Бабушка
Засохшая герань
Крыша
Остывший чай
И надежды
Началась зима
Дома завелись дикие звери
И до весны отстроили дом
Зайцы озадачились починкой пола
Ну а остальные ребята

Тоже занимались всяким разным
Перестала милая тосковать
Разделась и в лес убежала
А заяц затем залез на подоконник
Лапой бьёт и носом шмыгает
То ли заяц
То ли кто

ЛОМИТ СПИНУ

Ломит спину, решил принять душ. Вода — кипяток, обжигает кожу. Лучше бы обжигала кости. Жаль. Капли разбиваются о плитку на полу, громяхают, как барабанная дробь армии, атакующей мой мир, защищенный, нежный, волшебный... Горит огнем и жирными руками переставляет мне пластинки, засаленные воротники трудяги не дают смыть с себя усталость. Больше кипятка да в глаза. Не видеть, забыть, смыть с себя. Несправедливость тяжелым таранным устройством стучит в дверь. Под видом маленькой девочки-матери, взрослой женщины, возбуждает. Умиляет, утешает, беззаветно любит. Проникает мне в рот и желчью травит изнутри выкрученными пальцами от непонимания своей сути. Закрыл кран. Косые вялые ноги предательски дрожат и не несут по земле. Голова идет кругом. Белое пятно едва держит в этом мире. Проклятый яркий свет. Тьмы бы. Тишины. Держусь за стены, шершавые, влажные, кривые, изгибающиеся под странными углами, уводящие от дороги. Прикладываю все усилия. Не видно ничего, пытаюсь нащупать стену, продавливаю ее вместе с побелкой, оказываюсь в белоснежном зале, бесконечно огромном, холодном, пустом. Это уже никуда не годится. Что со мной? Впереди виднеется силуэт. Белобородый лысый мужчина в белом. Слава богу.

— Простите, где я, что происходит? — спросил я утробным, не своим, глухим голосом.

— Ах, я вас давно жду, присаживайтесь, — сказал он голосом совсем юного мальчика.

Осмотрел пустой зал. До чего же холодно стоять на плите голому и босому, на этом холодном и скользком мраморе черного цвета. Меня словно кто-то толкнул в грудь, и я мигом оказался сидящим на табуретке. Та подалась в сторону и развалилась. Послышался смех, гулом наполнивший комнату. Я закрыл уши, но смех становился все громче и громче, казалось, он звучит у меня в голове. Перед глазами все поплыло, и я провалился сквозь черный мрамор. Некая невесомость поддерживала меня. Мозги перестали что-либо понимать. Захотелось выпиться. Ах, боже мой, где же я тут возьму выпивку... Открыл глаза. На мне сидела рыжая барышня с тонкой талией и пышными бедрами, спиной ко мне. Тела я не чувствовал, она повернулась и улыбнулась: «Не беспокойтесь, вы потеряли сознание... Как вам моя спина? нравится?». Я начал кричать, но услышал лишь жалобный собачий вой. Подступила тошнота, перед глазами все помутнело, и я снова провалился во тьму...

БЕЛКА ПОД КРЫШЕЙ ДОМА

Решил посмотреть на белку
Она живёт под крышей дома
Возле ореха
Там у нее склад
Рыжая с закрученным хвостом
И без одного уха
Коты здесь
Как с цепи сорвались
Прохожу к углу дома
Заглядываю
Слева куча дров справа стена
Чуть впереди абрикос
Мне нужно их обойти
Крадусь вдоль стены
Заворачиваю
Величавый орех
Спит под дождём
Прыг
Прям
Ой-ой-ой
Я оп
И давай бежать
Она за мной
Я пробегаю мимо псов
Псы по будкам

Перепрыгиваю калитку
Валюсь на землю
Твою мать
Курточка треснула
Любимая
Домашняя
Спортивная
С детства
Зимняя синяя
Хоккейная спортивная куртка
Ну и хер с ней
Думал я по ходу
Оборачиваюсь
Стоит сторож
Рядом рыбы
Хозяйство
Улыбается
Подозрительно
Бегу дальше
Ради принципа
А навстречу собаки
Две склеились
Скулят
Кричу что не до них
Мол и так тут у-у-у что творится
Пнул ведро
Подлетело
Сбило ворону
По дороге схватил ее
Запахнул за шиворот
Бегу уже как бы на втором дыхании

А тут смотрю что я без сапог
А там болото с пиявками
Ломаю молодую берёзу
Разбегаюсь
Как швырну
Пускай у нее пиявки кровь сосут
Скачу по болоту
Фух
Бегу дальше
Смотрю на плече жаба
Как дунул на нее
А она давай за волосы лапой держаться
И другой грозить
Я выпучив глаза
И растопырив усы
Как начал кружится
Но она схватилась двумя лапами
Я кричу
Жаба кричит
Мир кружится
Ноги промокли и поцарапаны
Кажись пиявку подцепил
Сосёт под лопаткой
Жаба слетела
Попала в окно одной старушки
И как оказалось прямо ей в рот
Та подавилась и умерла
Ну а я побежал
Лихой и совсем нехороший дальше
Без оглядки...

О-ХО-ХО

1

о-хо-хо
да уж
времена меняются
да что там времена
я-то
я-то уже старое рыло.
смотрю на себя в зеркало
достаточно уставшая
физиономия приятного вида
приятный мужчина около тридцати пяти лет
ну может не совсем старый
но жизнь повидавший
а вообще да
чудом я сохранился
закрыв глаза тяжело вздохнул и выдохнул
прижал большими пальцами веки
а остальной четверней
начал почухивать лоб
перед глазами проплыл огромный воздушный корабль
с парусами расшитыми изумрудами
можно было разглядеть каждую мелкую цепочку
и щепку сучочек и ниточку
маленьких человечков и их блестящие рубашечки

2

сначала я взял огромную дедову лупу
с перевязанной синей изолентой ручкой
и немного битым стеклом
и начал изучать муравьев
солнце сегодня стояло как кол
было около двенадцати
и моя макушка была как разогретый камень
я старался сжигать им жопы
маленькие муравьиные кислые жопки
я пробовал их на вкус поэтому знаю о чем говорю
и черных и красных и ковалей
и рябых тоже пробовал на зубок
все как один — кислые
ну может ковали чуть приторней
но и жалят они еге-гей дай боже
но меня не жалили это я по новостям слышал
мол где-то в районе Массачусетса в 90-х
один профессор вместе с учениками
изучали клубни картофеля
так вот одного из учеников
по словам свидетелей
укусил коваль то ли за ухо то ли за нос
точно не припомню так этот бедолага
скончался после восьми дней страшных мучений
то-то же надо головой думать вот я и думаю
я их головы сжигаю напрочь дотла
так я их и исследую
с пристальным любопытством и увлечением четко
с мертвой хваткой нацеливаю луч
делая его тончайшей точкой и в бошки

а потом беру пинцетиком и откусываю попку
хоть мне нет еще и шести лет
я уже порядка четырех из них
профессионально занимаюсь
исследованием муравьев
в этом-то я точно преуспел.
— что? ба! ну ещё рано... что?
ба! что ты говоришь? а?
бабуль я не голодный!!! что?
ба, что? дед? хорошо, бегу!!!

смерть на вкус наверное тоже кислая —
подумал маленький мальчик

3

один мужик любил хлеб
бывало придет в хлебную лавку
встанет на цыпочки возле хлебных полок
потянется носом к самой верхней
где лежит по обыкновению ассортимент
от светло-серых до темно-черных изделий мучного
калачи, батоны, булки, кирпичики,
цеглинки, круглые, овальные,
корки, бублики
все что хочешь
все чего душа желает
а рот возжелает
станет на самисенькие носочки
своих стареньких черных туфельек

сунет нос
между «бородинским кирпичным»
и «бездрожжевым цельнозерновым»
и как втянет запахи
как ноздри затрясутся
загудят
голова затрясется...
опускается на твердый пол мужик
а у самого полные ноздри крошек
семечек, кунжута,
тмина, абрикосов, изюма,
пыли, муравьев, тряпочек каких-то
довольный стоит а сам дрожит
как школьник после первого поцелуя
ладони мокрые
подмышками лужи
очи бегают туда-сюда
волосы дыбом встали
мычит что-то мужичок
мямлит
пальцами тычет жестикулирует
чешется весь
да как чихнет...
да второй раз
да третий
а за ним ещё один, другой, третий
и повалился сначала на четвереньки
а потом его и на спину опрокинуло
начал было мужик колотить руками и ногами об пол
но быстро устал и уснул
тут подросла уборщица

и вымела его вместе с крошками
и прочими лоскутками
вон из лавки и под лестницу
прилетели голуби
и сразу обклевали все ноздри мужику
мужик спал спокойно с улыбкой на лице
и видел сны
ему приснилось, как кто-то украл гаечный ключ
и спрятал его у себя за шиворотом

4

у меня внутри
там где-то глубоко внутри
за решеткой грудной клетки
завелись певчие птички
наверное прилетели на аромат цветов
который поселился у меня в голове
тропики ядрена вошь!
голова кружится
как хихикающие девочки
на карусели майским вечером
перед глазами розовая дымка
с такой головой по всем законам природы
меня давно должна была приохотить
хищная дамочка
чему я был бы несказанно рад
так как я человек склонный к гуманизму
мне хотелось проломить себе грудину
охнуть испустить последний вдох
и освободить всех этих пташек

не коршуны, не вороны, не соколы
как раньше бывало гостили
а именно попугайчики
желтенькие и голубенькие
сочки, голуби, соловьи, павлины,
фазаны, перепёлки...
не знаю точно но мне кажется
перепёлки тоже
хотя возможно я что-то путаю
цвиринь теньтень тютю тях пик пик...
и это вот такое — проснулся
и до последнего соловья, аж под утро
кровь кипит, а мне под сорок
денег нет карьера лопнула
даже выпивать завязал
друзей нет и хожу по улице
в носках и тапочках
звоночек...
тютю одним словом
вышел из дома
пришел в лес сажу и смотрю на школьников
три юнца и шесть девиц
очень интересно выпивают, курят, смеются
мои птицы резко перелетели
на дальнюю сторону грудной клетки
так что я чуть не перевернулся
я завидую самой жизни
природе, молодости, щебету птиц
аромату цветов, все это мне не принадлежит
и у меня временно да и то не у меня а во мне
а я нюхаю ладони

с мыслями будто всю ночь обнимал
ту, что оставила свои простыни
и уехала с состоятельным карликом...
я встал и пошел к школьникам
рассказать анекдот
все смолкли

5

— ситуация следующего характера, —
сказал батяня при этом хитро пошевелил усами
в разные стороны как клещ и цвиркнул
через щербу между верхними зубами
— и был таков, — добавил он
облокотился о стол приподнялся
и не обращая ни на кого внимания
перевернул сначала один
а потом и второй стаканчик томатного сока
точнее это был суп в стакане
как часть заявленного летного меню
лето, сезон итальянской кухни
а летом все итальянцы кушают гаспачо —
это такой помидоровый суп со льдом в стакане
кушается холодным понемногу мелкими глотками
и хорошо протирается языком о небо —
сказал пузатый дедушка который был и официантом
и поваром, и владельцем, и бывшим пилотом-механиком
подъемного крана со стажем 44 года —
батяня сказал «ых» и выпил залпом третий стакан
запыхтел, зажестикублировал и, попукивая, захихикал,
сказал «ээээых», сел и о чем-то задумался

в зале было пусто
это был зальчик с пятью столиками
с видом на лавочки где собирались пьяницы и пройдохи
обсуждали новости, погоду и выясняли
кто хороший человек
а с кем время проводить неприятно
день был солнечный и жаркий
томатный сок-суп заходил в самый раз
батяня подозвал владельца и попросил лист и ручку
разгладил брови и записал:
«женщины... вы свели меня с ума,
я без вас не проживу и дня, я нога, а вы смола,
вы небосвод, а я зоря, у меня во рту тоска,
дайте ваши языки...» — тяжело вздохнул и заказал
тарелку пельменей
пельменей не оказалось
батя встал и бодрым решительным шагом
направился в сторону пьяниц

6

надо сказать что я хорош собой
я ощущаю себя на пике
двадцать лет, лучшая форма,
гормоны, густые волосы, упругое тело,
острая мысль, горящие глаза
и полностью аморальное настроение ума
вот именно таким я себя и ощущаю
именно таким
и это в свои — под сорок лет
конечно, все вокруг интересуются

и спрашивают меня — как же так
как вам удается чувствовать себя так хорошо
в чем ваш секрет? — или ещё бывает:
наверное вы всю жизнь
практикуете бережное отношение к себе! —
ещё чего нет дорогие так это не работает
секрет мой прост но чтобы его понять
нужно иметь ум посложнее
чем у белки-летяги
простоту освоить может только человек подкованный
сложносочинённым устройством ума
человек который не боится погружаться
в глубины разума
и там в этих глубинах
уметь выудить такую хитрую мысль
такую которая и жить спокойно не даёт
выудить ее и — на пол и ногами и палкой ее
чтобы у нее отпало всякое желание
морочить голову порядочному человеку
а если такую мысль выудить мочи нет
потому что мысли бывают всякие
и особо хитрые тоже попадают
тогда надобно ее загнать как дичь на охоте собаками
преследовать ее нужно вопросами,
такими как «чего тебе, скотина, надо?»
«хочешь получить?»
и ещё гонять ее и громко рычать на нее
аки лев или гималайский тигр
коих не так уж много и осталось
можно ещё конечно ставить логические ловушки
и практиковать тотальное безразличие

но кому я это все рассказываю?
ведь воздух уже пахнет скукой и озадаченностью
вперемешку с досадой
а так как я хорош собой
сегодня я разломлю пополам
несколько женских сердец
поскольку самое лучшее что можно придумать
это вскружить голову дамам
у них-то ума нет, а только чувства
именно на таких особях...
тут у мужчины около сорока лет
с прекрасным самоощущением
закружилась голова
и он вздыхая и причмокивая
решил прилечь на койку

7

парочки
есть много всяких разных парочек
одни парочки ходят взявшись за руки
другие водятся под локоток третьи подмышку
а есть которые держат друг друга за ягодицы
просунув руки в задние карманы
все парочки хороши уже тем что каким-то чудом
два совершенно незнакомых человека
объединенные местом временем и обстоятельствами
в какой-то миг совершенно чудодейственным образом
взявшись за руки объявили себя парочкой
и так и ходят кто как но глаза у всех
смотрят немного искоса

горят и подозрительно поблескивают
как лучик света на медицинской стали
есть разные парочки
одни состоят
из двух совершенно одинаковых чудаков
одинаково одетых
с одинаковым цветом глаз
носатые, рукастые и во всем похожие
парочки-близнецы
есть парочки где один ростом
как крупная взрослая собака
а второй чиркает обивку крыш в автобусах
одни парочки говорят быстро
у других — один молчит зато его подружка
жуя вкусные горячие булки не смыкает рта
постоянно что-то рассказывает сильно жестикулируют
есть парочки которые всегда сидят в ресторанах
или летних кафе и объедаются мясом
запивая его пивом или вином
у таких парочек мужчина всегда богат и объемен
а дамочка нежна и податлива
есть парочки которые знакомы ещё с детского сада
и дружили еще до ее второго брака
а потом их сердца не выдержали загорелись
и любовь объединила их навсегда и теперь они счастливы
и полны детьми и обсуждениями
такие есть парочки
также есть парочки которые вечно целуются
парочки где дама пышна и широка
а кавалер худ и высок
парочки где она в полном расцвете сил

а он юн и горяч
ещё есть парочки которые любят друг друга так сильно
что иногда с ними могут случиться казусы
например кавалер может застрять между ног у дамы
и так и просидеть там целые сутки а то и трое суток
без лишних движений и проснутся оттого
что кто-то его начнет совать туда-сюда...
а есть парочки у которых все хорошо
они богаты красивы вместе молятся богу
ходят на танцы слушают сложную красивую музыку
но проблема в том что они ещё не знакомы друг с другом
и живут с совершенно посторонними людьми
бывает помногу лет пока однажды
не проснутся рано утром и выйдут за кофе
и под предлогом зова сердца
уедут на край света где и умрут
держа друг друга за руки
все парочки хороши так как все это природа

8

жизнь это не лёгкая прогулка в уикенд приятель
именно так да именно так
я много размышлял и понял:
жизнь это череда вызовов и испытаний —
которые если благородно пройдешь
получишь заслуживаемое
но подумав ещё я решил что жизнь
это иллюзорная форма бытия и создана она
для порабощения человеческой души
эта идея меня напугала и я моментально передумал
и решил что жизнь это игра а люди в ней актеры

эта идея мне очень понравилась
и я начал важно расхаживали с руками в боки
моментажно на голове выросла шляпа
с длинным павлиньим пером
на ногах — мягкие сапоги из молодой свиньи
рубашка и штаны
на лице мигом выросли лихие усы
глаза стали щуриться
а походка стала как у лягушки
таким образом философская мысль
сделала из человека лягушку

9

двое детей сидят на берегу озера
такого озера где не ловят рыбу
не купаются и обходят его стороной
только собаки имеют смелость там освежиться
такое озеро где плавают сомы
размером с новенький автомобиль
и с глазами как круглые фары
а их усы как казачьи плети
так вот двое детей сидят на берегу
и набивают рты головастиками
а потом пуляют ими как арбузными семечками
один из них мальчик лет пяти в белой кепке
в джинсовом комбинезоне поверх водолазки
а второй — в шортах и длинной рубашке с лысой головой
и разбитыми коленями вымазанными зеленкой
тут слышится крик и в одного из мальцов
летит старый тряпичный тапок

с твердым каучуковым каблуком
он чудом пригнулся
бах ещё один и попал в плечо другому
бах-бах ещё тапки
дети начали пригибаясь убежать
тапки летели со всех сторон
головастики выпадают из детских ртов
шмяк бах тапочки летят как сумасшедшие из окон
дети прыгнули в кювет
сердца их безумно колотятся
они оглядываются один из них
поискал палку но не нашел
тот что в кепке высунул кепку на ноге
шмыг кепка мигом слетела
мальчики прижались к земле
попрятав остатки головастиков в карманы и замерли
один тапок лежал прямо у них под носом
оттуда высунула нос лягушка
и пригрозила своим маленьким жабьим
но очень убедительным кулачком
мол стань всем
наполни пустые сосуды
нектаром любви и когда они начнут
переливаться — напои других...
познай свою природу божественную
и с праздником в душе отправляйся нахуй...
а куда ещё? напрямиком к богу
и кланяйся и целуй ножки...
будь счастлив контролируй эмоции
держи в узде чувства держи в узде разум
крепким телом выдави из себя кундалини Шакти

подключись к высшему «я», к Плеядам, Сириусу,
к кристаллическому сердцу земли,
будь независимым, будь Воином Духа, шаманом,
тантриком, будь магом и дитём с квантовым сознанием....
люди-шестеренки, люди-шероховатости,
люди-мозаики и люди-пазлы
они зовут друг друга
сквозь время, сквозь пространство,
сквозь реальность и иллюзорность
встречаются миллионы жизней
смеются, целуются до слез и горько рыдают
радуются теплым объятиям
мимолетно пойманному взгляду и нужному слову
они учатся совершать поступки
они ошибаются и сталкиваются лбами
они держат горячие и заплаканные головы друг друга
и едва касаются губами
боясь что это нарушит тишину сердца...
Так какого хуя? Какого хуя?
Какого хуя мы вечно теряем друг друга?..

СОДЕРЖАНИЕ

Пираты.....	5
Песня	7
Мудак	8
Солнце в зените.....	9
Вдох-выдох.....	10
Капли	12
Переодетый Иван	13
Собачий нос	13
Тарелка супа	15
Лампа Аладдина	16
На набережной.....	17
Попуски	18
Волки	19
Иван Николаевич Крукс.....	20
Дядина борода	21
Гусар Алексей	22
Карманы мальчика.....	24
1.80.....	25
Муха.....	26
Запаянные ноги.....	28
Султан Павлович	30
Лысый одноглазый	31
Белая скатерть и добрый человек.....	33
Танцующий мальчик	34
Ветер в лесу	35
Барабарам.....	36
Горит хата.....	37

Нахуй лифт.....	40
Остановилось.....	41
Сон про индейцев и кота Баюна.....	43
Мужик и чайник.....	45
Шкаф.....	46
Пузатый чайник.....	48
Толпа мужичков.....	49
Великаны и карлики.....	50
Женщина с пуделем.....	52
Встать и пойти.....	53
Женщина, бабушка, девочка.....	55
Ломит спину.....	58
Белка под крышей дома.....	60
О-хо-хо.....	63

Літературно-художнє видання

СЕРІЯ «Бібліотека “Крещатика”»

Заснована у 2023 році

Александр Новиков

ВЕТЕР В ЛЕСУ

(російською мовою)

Макет обкладинки і верстка
Друкарський двір Олега Федорова
Формат 60x84 1/16. Наклад 100 прим. Зам. № 5824
Папір 80 офсет. Друк цифровий. Ум. друк. арк. 5
Гарнітура «Arial Narrow».
Підписано до друку 11.07.2024 р.

Видавець Федоров О. М.,
«Друкарський двір Олега Федорова»
Адреса: а/я 24, Київ-205, 04205, Україна,
e-mail: relaks-oleg@ukr.net

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 3668 від 14.01.2010 р.

Віддруковано в друкарні ТОВ «7БЦ»
Адреса: 07400, Київська обл., м. Бровари, б-р Незалежності, 2/148
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 5329 від 11.04.2017 р.

НОВИКОВ САША. Актер, прозаик, поэт, мистик. Родился во Львове на хлебозаводе. В 8 лет переехал в Киев и жил в буковом дупле на Трухановом острове. Окончил школу и университет. Не пьет и не курит. Публиковался в журнале «Крещатик».

ДРУКАРСЬКИЙ ДВІР
ОЛГА ФЕДОРОВА

